

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Список слов:

СТЫД, СУД, СУДЬБА

ТЕЛО и ПЛОТЬ, ТОЛПА, ТОСКА

УМ

ХЛЕБ

ЧЕЛОВЕК, ЧЕСТЬ, ЧИСТОТА

ЯЗЫК

СТЫД

Стыд — это одновременно и сам факт позора, бесчестия, и то чувство сильного смущения, которое испытывает сам совершивший нечто «постыдное». Но важно (и это обычно не отмечается в толковых словарях), что стыд — это еще и сопереживание другому («мне стыдно за тебя»), чего нет, например, в английском «shame».

Можно сказать, что «стыд» — это проявление совести, «столкновение» совести с бессовестным, Добра со Злом («ни стыда, ни совести»; ср., кстати, пародийное «ни стыда, ни Родины»), Жизни со Смертью.

Стыд — пограничное состояние, чисто русское, «достоевское». Ясно, что настоящему человеку должно быть стыдно за все Зло на земле, равно как и за самый малейший собственный недостаток, недостойную мысль и т. д.

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат рго таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, совм. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

* Окончание. Начало в № 1—4, 2017.

Стыд — это вечная память Добра о Зле, Жизни о Смерти. Не случайно однокоренное греческое слово — «Стикс», главная Адская Река.

В индоевропейских языках этот корень связан с идеей 1) холода (ср. русское «студеный», «стужа», «застудить» и т. п.), 2) сжимания, сужения (в греческом это — «стягивать», «сжимать», «лихорадка», в древнеиндийском — «капля», «клок»), 3) чего-то мерзкого, отвратительного (в греческом «стюгос» — чудовище) и 4) чего-то резкого, больного, агрессивного (в разных языках: «толкать», «бить», «жалить» и т. п.).

В сущности, образ «стыда» — это так называемый хтонический, адский, смертельный образ. Это — остывающий (= умирающий) мир, сжимающаяся вселенная, царство агрессивных подземных чудовищ. Иначе говоря — Хаос (в отличие от Космоса и Гармонии «совести»).

Самый близкий аналог, почти синоним — корень «срам» («сором»), вбирающий в себя в разных языках идею позора, неприличия, страдания, горя. Но этот корень семантически менее универсален (поэтому в идиоме «стыд и срам» он стоит на втором месте).

«Двумирность», «амбивалентность» стыда очень наглядно проявляется в, казалось бы, оксюмороне «сгорать со стыда». Чисто физиологическая реакция «сгорающего со стыда» человека (в состоянии стыда он краснеет, ему жарко, он потеет и т. д.) — это есть не что иное, как защита от адского холода, замерзания мира, «льда бездушия». Герои Достоевского, Толстого и многих других русских классиков постоянно «краснеют» от стыда. И при этом они — прекрасны (то есть «красны»), особенно девушки у того же Тургенева или Бунина. Отрицательные герои русской классики не умеют краснеть.

Стыд есть Жизнь. Это глубоко «динамичное» явление, в отличие от «статики» Смерти. Отсюда — богатейшее словообразование с этим корнем, в том числе и, что особенно показательно, глагольное: «пристыдить», «застыдить», «устыдиться» и т. д.

Кроме того, будучи глубоко «личным» состоянием, «стыд» — нечто вселенское, космическое, универсальное. Лингвистам известно, что самые сокровенные мысли и чувства русский выражает в безличной форме, как бы апеллируя к Высшим Сферам: «мне хочется», «мне грустно» и т. д. Отсюда же — «мне совестно» и «мне стыдно».

Корень «стыд» продолжает быть глубоко, как бы сказал Андрей Платонов, «сокровенным» русским корнем, то есть «скрытым», «потаенным». Судьба в значительной мере уберегла его от семантической девальвации: в СМИ, наиболее уязвимой для «сокровенных смыслов» сфере, это слово встречается лишь эпизодически, а в обиходно-бытовой речи оно продолжает сохранять роль каждодневного регулятора отношений между людьми. А люди — они всегда люди.

СУД

У большинства современных людей слово «суд» сразу «включает» в сознании юридическую тему. «Встать, суд идет!» «Подать в суд иск». «Разделит имущество по суду». «Судебная экспертиза». «Народный суд».

Наверное, кому-то ближе спортивные «судья назначил пенальти», «несправедливое судейство» и «судью на мыло!».

Разумеется, многие догадываются, что существительное «суд» связано с глаголами «судить», «рассуждать» и существительными «рассуждение», «рассудок».

Да, в современном русском языке слово «суд» — это в первую очередь государственное или общественное учреждение, занимающееся рассмотрением гражданских

споров, уголовных дел, чьих-либо административных поступков. Суд, соответственно, может быть Верховным, народным, областным, товарищеским и т. д. Кроме того — это помещение, пространство, где размещается это учреждение.

Во-вторых, это сам процесс разбирательства таких дел, уже — судебное заседание. В суде можно «выступить». Под него можно «попасть» (не хотелось бы!). Его можно «избежать» (хотелось бы!).

В-третьих, это те люди, которые непосредственно судят. «Суд рассматривает дела», «удаляется на совещание» и «выносит приговор».

В-четвертых, это вся система, включающая и судебные учреждения, и судебные процессы, и судей. Мы не устаем повторять, что в современных условиях развития нашего общества нам немедленно нужна «реформа суда».

Наконец, несколько особняком стоит не совсем юридическое значение этого слова — «мнение», «заключение». Можно отдать что-либо «на суд общественности». Мы говорим «суд истории» или «суд совести».

«Реформа суда» — это, конечно, очень важно. Суд как правовая система в целом — очень нужная вещь. Без совершенной судебной власти, как без законодательной и исполнительной, общество полноценно развиваться не может. Все это так.

И все же.

Корень «суд» — очень древний. Ему много тысяч лет. У древних индоевропейцев, предков современных славян, германцев, индусов и многих других народов, корень «суд» состоял из двух частей. По сути, это были два корня. Условно говоря, «су» и «д».

«Су» (произносилось как «сом») нес в себе идею совместности, объединения, связи, взаимности. В современном русском языке это приставка *со, су* («собрат», «супруг»).

«Д» (оно звучало примерно как «дхэ») значило ставить, класть, устанавливать, трудиться, поступать, совершать и т. п. У нас отсюда «деть», «делать», «действовать».

«Суд» есть, таким образом, совместный труд, объединенное усилие, взаимное содействие. Эта глубинная этимология слова о многом говорит.

Мы понимаем «суд» как нечто однонаправленное, карательное, наказывающее, репрессивное. А это не так!

Что такое «судить»? Это не только (и не столько) осуждать, выносить судебный приговор, рассматривая дело в судебном порядке, обвинять. Это еще и составлять и высказывать мнение, по сути — рассуждать. «Судите сами» — значит думайте, рассуждайте, сопоставляйте (опять же — *со-сом*) различные факты, мнения и вырабатывайте свою точку зрения, а дальше — действуйте (*дхэ*).

А есть еще «судить²» (фиксируемое в большинстве словарей как омоним предшествующего «судить¹»), от которого образована очень употребительная в русском языке форма «суждено», передающая идею предназначения, того, что происходит не по нашей воле. «Суждены нам большие порывы, но свершить ничего не дано».

Мы видим: есть *суждено*, есть *рассуждать* (обсуждать), а есть — *судить* (в смысле судить). И все они — неразрывно связанные элементы «суда» как чего-то санкционированного «свыше» («суждено»), совместно обсужденного («рассуждать», «обсуждать») и окончательно решенного, объявленного («осудить»).

«Суд» — очень древний и мудрый корень. Он не так прост, как кажется на первый взгляд. Давайте поймем, что «судить» — значит быть вместе и совместно делать что-то очень и очень важное. Но что в конечном счете — «суждено» нам всем.

Давайте «судить вместе» нашу жизнь.

Нет?

Ну, тогда — «на нет и суда нет».

СУДЬБА

Нарочито используя прием тавтологии, можно сказать так: у слова «судьба» в русском языке очень непростая, но интересная судьба.

Этому слову, как минимум, тысяча лет. Оно известно с XI века.

Можно сказать, что изначально слово «судьба» было синонимом слова «суд». «Судьба» — это место и процесс суда («судилище»), правосудие и приговор. «На судьбе в результате судьбы свершилась судьба и была вынесена судьба». Примерно так.

Но суд, правосудие и приговор могут быть человеческими (чисто юридически-ми), а могут — Божьими, не зависящими от воли человека.

Постепенно слово «судьба» из «юридического измерения» стало перемещаться, дрейфовать в высшее, так сказать, в «Небесную канцелярию». «Судьба» стала не просто судом, а Судом Божьим.

А Суд Божий, как известно, вершится постоянно. В результате слово «судьба» постепенно вобрало в себя все возможные значения. Оно стало обозначать и прошлое, и будущее, и человеческую жизнь (и не только жизнь человека: народа, книги, чего угодно...), и отдельно взятое событие в этой жизни.

Мы говорим: «Судьба этого слова очень интересна». Здесь «судьба» может быть заменена «историей». История — это то, что было, свершилось, прошлое, прошедшее.

В учебниках по истории пишут: «Война поставила на карту судьбы народов». Здесь «судьбы» — то, что будет, будущее, условия дальнейшего существования, будущность.

«Моей судьбы не разделить со мной...» — пишет А. С. Пушкин. Здесь «судьба» — жизнь, жизненный путь, участь, доля.

М. Ю. Лермонтов констатирует: «Судьба вчера свела случайно нас». Тут речь идет о стечении обстоятельств, о событии, которое произошло помимо нашей воли, по Воле Божьей, или, говоря иначе, согласно логике таинственного Фатума, Рока.

Можно верить в судьбу (Судьбу) и считать, что все свершается «волею судеб», можно не верить («натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка»), можно считать, что человек сам — «хозяин своей судьбы».

Но, так или иначе, язык упрямо создает образ судьбы как некоего главного существа. «Волей судеб», «судьба — индейка» и «хозяин судьбы» — во всех этих выражениях присутствует (явно или «исподволь») фигура одушевления. Судьба обладает волей («волею судеб»), она зооморфна («судьба — индейка»), судьбу как бы «приручают», подчиняют своей воле («хозяин судьбы»); заметьте: это не то же, что «хозяин машины», тут скорее «кто в доме хозяин?».

Можно кого-нибудь «бросить на произвол судьбы». Судьба бывает «злой», «счастливой», «слепой», «суровой». Судьба «приводит» кого-нибудь куда-нибудь.

Судьба может «взлюбить» или, наоборот, «невзлюбить» кого-то. И везде она — таинственное, но словно бы совершенно реальное существо.

«Судьба» — это постоянное напоминание человеку о том, что есть нечто большее, чем его прагматичные расчеты, карьерные планы. Верить ты в судьбу или нет, в жизни всегда случаются вещи, которые не входят в твои планы и расчеты. «Судьба» — лекарство от самоуверенности, высокомерия, гордыни. Нет, конечно, нужно быть активным, иметь в жизни цель и идти к своей «судьбе-звезде». Но все же...

Наше время можно охарактеризовать как время «прагматической гордыни». Считается, что главное в жизни — удачная карьера, материальный достаток. И к ним надо идти во что бы то ни стало. Слово «амбициозный», которое еще десять-пятнадцать лет назад было отрицательным и считалось синонимом слов «надутый», «чванливый», «азанавшийся», «спесивый», «напыщенный», теперь многими вос-

принимается со знаком плюс. Иметь большие амбиции — правильно. Карабкаться по карьерной лестнице — верно. Побеждать конкурентов — очень хорошо.

Но, как говорят в народе, «бил Ерошка Тимошку, да судьба побила Ерошку».

Амбиции амбициями, а от «судьбы не уйдешь».

Не согласны?

ТЕЛО и ПЛОТЬ

Слово «тело» — одно из самых этимологически «темных» в русском языке. Кроме того, исторически оно очень многозначно (полисеманлично). Оно имело в древнерусском языке такие значения: вещество, материальное существо, изображение, образ, вид, идол, истукан, основа, почва и др.

Вполне возможно (хотя строго этимологически этого доказать практически невозможно), что слово «тело» родственно слову «тень» (как то, что тело отбрасывает) и «дело».

Сближают исследователи языка это слово и с греческим «tel(e)os» — цель, конец, предел, срок. Отсюда — телеология, или финализм, то есть наука о целеполагании и целесообразности всего сущего.

В современном русском языке это слово тоже многозначно. Причем даже нормативные словари расходятся в наборе его значений.

Так или иначе, при всех семантических комбинациях-расхождениях, «тело» — это а) некий материальный объект, занимающий часть пространства, и часть пространства, занятая материальным объектом, то есть и форма, и содержание, б) живой организм в его естественной, природной форме и природная форма живого (или мертвого) организма, то есть опять же — и форма, и содержание, в) основная часть чего-либо (туловище, корпус, основа).

Говоря кратко, тело — это и микрокосм жизни, и жизнь микрокосма, и главная часть микрокосма.

Слово «плоть», если говорить о его светском понимании, фиксируется большинством словарей а) как устаревший синоним слова «тело», б) как составная часть ряда фразеологизмов («во плоти», «войти в плоть и кровь», «плоть от плоти» и др.). Этимология его тоже достаточно «туманная».

Ясно, что оно индоевропейское и что в славянских языках и в ряде других (например, литовском) оно имело значения, близкие к значению слова «кожа».

В богословском дискурсе «плоть» и «тело» в целом противопоставлены «духу», «душе» — как «сосуд греха». Однако все не так просто, и лингвистическая апология тела и плоти занимает в богословии очень важное место.

Слову «плоть», которое долгое время шло в орбите греческого богословского «sarks» (плоть, мясо, отсюда, кстати, — «сарказм», буквально разрывание мяса), пожалуй, «досталось» греховности больше, чем «телу» («усмирение плоти», «плотские утехи» и т. п.). «Тело» же, хотя частично семантически и «ушло» в терминологию (физическую, астрономическую и др.), тем не менее в ортодоксальном христианском контексте тоже продолжило быть преимущественно «греховно маркированным».

Совершенно понятно, почему начиная с рубежа XIX—XX веков раздавались голоса «в защиту» плоти и тела (например, В. Розанов).

В современном российском обществе бытийный статус этих слов двойственен.

С одной стороны, мы живем в эпоху настоящего разгула так называемого неоязычества, то есть всего «плотского» и «телесного» в их карнавально-порнографическом «изводе».

С другой — «плоть» и «тело» суть неотъемлемая часть семейно-демографической проблемы. Вообще чисто русское пренебрежение к телу-плоти, к этому сосуду духа и души, наплевательское отношение к собственному здоровью и т. д. — одна из ключевых проблем России XXI века.

Вторая сторона этой проблемы — русское пренебрежение к семье, родству, «крови», кровным узам, к тому, что «плоть от плоти», «плоть и кровь». Тот же В. В. Розанов был абсолютно прав, обвиняя русских в их плотской и телесной «хлестаковщине».

Слово «тело» и в богословском контексте («Тело и Кровь Христовы»), и в светском («телогрейка», «телодвижение», «телесная немощь») — вполне «рабочий» языковой материал для российского жизнестроительства XXI века.

Фразеологизмы со словом «плоть», а также такие однокоренные слова, как «плотный», «(пере)воплотить», «(пере)воплощение» и т. п., — стержневые слова духовной культуры. Их употребление должно всячески приветствоваться, равно как и (пусть отчасти и ложноэтимологическое) сближение с корнем «плот» («оплот», «плотник» и др.). Это — именно «жизнестроительство», строительство «тела жизни», его формы и содержания.

ТОЛПА

История русского слова «толпа» — классический пример, если так можно выразиться, мутации, перерождения его смысла. «Хорошее» слово как будто бы стало «не очень хорошим», даже — «плохим».

Повезло слову «толпа» или нет в истории языка? Судите сами.

Вообще говоря, изначально этот древний индоевропейский корень выражал идею вместимости, вместительности, объемности, емкости, в целом — пространства, которое потенциально может быть чем-то заполнено. Наши далекие праиндоевропейские и праславянские предки несколько тысяч лет назад могли сказать примерно так: «У этого горшка хорошая толпа» или «Хороший у тебя дом, сосед, большой, толпа — что надо!..»

Тысячу лет назад на Руси под словом «толпа» подразумевалось «собрание людей», «войско», «воинство». То есть осмыслялась эта самая «толпа» как нечто большое, многолюдное, но организованное. И наделенное тем, что сейчас называют позитивной энергией.

Постепенно в значение этого слова стали словно бы вкрадываться отрицательные оттенки. «Толпа» стала пониматься как что-то неорганизованное, тесное, непредсказуемое, часто — агрессивное, опасное. В. Даль в середине XIX века дает такое толкование: «скопище, сборище, сходбище, толкотня». Толпой стали называть стадо скота. «Толпить» — значит «сгонять, теснить в кучу». «Толпище» — «место, где толпятся, и самая толпа; толкучка, толкучий рынок».

В различных русских диалектах есть много вариантов «несимпатичного» исполнения этого корня: «толпыга» — тот, кто лезет, толпится; «толпега» — грубый, неотесанный человек, толстая, неуклюжая, неповоротливая женщина и т. п.

Но это ладно. Понятно: в толпе тесно, и много всяких «толпег» толкаются локтями.

Судя по всему, особую роль в «дискредитации «толпы» сыграли все-таки не крестьяне или мещане, а высшие слои общества.

Дело в том, что история последних примерно трех веков — это история развития индивидуалистического сознания. Рост индивидуализма неизбежно «ударил» по так называемой морали толпы.

Есть «Личность», «Я», «Индивидуальность», «Гений» — а есть «толпа», которая является некой косной материей, «безликой массой людей в ее противопоставлении выдающимся личностям» (С. И. Ожегов), стадо «тварей дрожащих» (Ф. М. Достоевский), «человеческий материал», «быдло» (что, кстати, значит крупный рогатый скот, происходит от слова «быть» и в целом не подразумевает ничего дурного, просто — живое существо...).

А если есть гордый «Гений» и «толпа» и у «Гения» вдруг что-то не складывается, то кто виноват? Ясно: толпа. Помните стихотворение «Поэт и толпа»?

Интересно, что в XIX, а особенно в XX веке в обиход активно вошло слово «масса» («массы») как своего рода идеологический термин. Есть «вожди», а есть «массы». «Вожди» ведут массы за собой. «Массы» — это как бы вновь организованная толпа. Потом появляются научная и околонучная массовая культура (коммуникация, сознание, искусство, информация и проч.).

Слово «толпа» уходит на периферию языкового сознания, все больше становится бытовым. С чем у вас ассоциируется это слово? Наверное, с метро в час пик...

Видите: «толпа» — это сначала пространство, которое может быть заполнено, затем — большое количество людей (без знака минус), далее — толкотня, давка, хаос и грубые «толпеги», потом — агрессивно-косная масса, мешающая самовыразиться «Гению», и, наконец, словно бы процесс пошел вспять — снова: много народу, толкотня.

Может быть, слово «толпа» со временем вернется к своему исходному значению? И тогда мы сможем сказать друг другу как-нибудь так: «Эй, приятель, а у этого гаджета большая память — классная толпа» или «У твоей тачки большая толпа — все поместится»...

Может быть, и сможем сказать...

Только давайте то же самое, только без очень-очень надоевших «гаджета» и «тачки». Пусть эти слова употребляет «толпа», а мы выразимся как-нибудь поинтереснее.

ТОСКА

«Тоска» — очень русское слово. Можно сказать, что «тоска» — это словесная эмблема, например, русского так называемого критического реализма. Чехов, Горький, Гончаров и др. классики так или иначе «склоняли и спрягали» «русскую тоску», имея в виду «свинцовые мерзости русской жизни» (М. Горький).

Интересно, что однокоренные слова есть практически во всех славянских языках, но из них это слово все больше и почти везде ушло в разряд устаревших, а русский язык не только не расслабляется с «тоской», но и активно с ним работает («тосковать», «тоскливый», «тощица», «тоскун», «встосковаться», «тоска смертная», «тоска зеленая», «тоска нашла, навалилась» и т. п.).

Дело в том, что «тоска» — в высшей степени амбивалентное слово. Это «слово-кентавр», «слово-Янус». Разберемся.

Индоевропейский корень, давший нам «тоску», «teus», несет в себе общую идею простоты (осушения, опустошения, опорожнения). Отсюда же, кстати, русские слова «тщета» и «тощий».

Тоскливый человек — это человек опустошенный. «Духовно тощий». «Тщетный духом».

Обычно в толковых словарях «тоску» разводят на два основных значения. Первое — душевная тревога, уныние. Второе — это скука (а также что-либо скучное). То есть человек в тоске, с одной стороны, «пуст», но с другой — «тоскует» по (ха-

ракторное глагольное управление!) полноте. Это — «неудовлетворенная душевная, духовная пустота». Быть душевно-духовно пустым — плохо. Но хотеть быть «душевно наполненным» — хорошо. «Тоска» — это как бы трагедия, но с надеждой.

О «тоске» много писали русские философы. Все по-разному, но отмечая все в один голос именно эту «внутреннюю антитезу» «тоски». Н. Бердяев говорил о тоске по «трансцендентному» и одновременной «неслиянности» с ним. И. Ильин очень точно определял тоску как «томление души», как «недоуменный и беспомощный стон о религиозном опыте» (но не сам этот опыт!). То есть «тоска» — это, в общем-то, состояние большинства современных невоцерковленных россиян. И шире — вообще людей, стремящихся к духовной жизни.

Скорее всего, если судить по истории русского языка, тоска всегда владела русскими. Мы имеем целую «галерею» исторических синонимов этого слова. С древности — фольклорная «кручина» и библейское «уныние» (являющееся смертным грехом, потому что восходит к корню «пау» — «мертвый»), затем — «ипохондрия», «сплин» и «хандра» (обыгранные Пушкиным в «Евгении Онегине») и т. д.

Сохранилась в первую очередь именно «тоска» как самое трагически емкое, но все же сохраняющее надежду на выход из «трагедии пустоты». В современной речи это слово достаточно частотно. Употребляется оно, что очень показательно, и в качестве междометия («Вот тоска-то!»), максимально конденсирующего эмоции. Значит, все не так безнадежно.

УМ

«Ум», согласно толковым словарям, есть «способность человека познавать, мыслить, основа сознательной, разумной жизни». Кроме того — «такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта» («блестящий ум»). Наконец, слово «ум» употребляется как специфическая синекдоха («лучшие умы России»).

Мы видим, что все значения этого слова так или иначе «крутятся» вокруг, если так можно выразиться, «головы»: «мысль», «сознание», «познание», «разум», «интеллект»... Ум как бы напрямую связан с головным мозгом. Не случайно сниженными синонимами слова «умный» являются слова «башковитый» и «мозговиный». Еще говорят: «с головой», «семи пядей во лбу».

Может ли умный человек быть плохим? Запросто. Мало того, умный человек может быть душевно нечутким, лишенным способности любить, глубоко чувствовать или во многих ситуациях словно бы не видеть реальности, в конечном счете вести себя «неадекватно» — остаться в дураках. В народе так и говорят: «Умный-умный, а дурак».

И у Грибоедова тоже очень умного Чацкого постигает «горе от ума».

Что-то здесь не так... Народная фразеология дает множество, может быть, и не вполне ясных для нас изречений, например: «С ума спятил, да на разум набрел». Или: «Ум за разумом не ходит». «Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось» (ср. современное: «Одна голова хорошо, а две — мутант»). Или: «Ум с умом сходились, дураками расходились».

Вообще отношение к уму в народе и в «высокой» культуре было не столь уж однозначно положительным.

Уму явно чего-то не хватает... Он не самодостаточен. В чем-то даже ущербен.

Тысячу с лишним лет назад в древнерусском языке «ум» значило и мысль (понимание), и душу, а «разум» понимался не только как рассудительность и разумение, но и как знак, указание.

Вообще корень «ум» осознавался значительно шире и был связан с чувством, верой, интуицией, даже инстинктом, хотя тогда наши предки, разумеется, таких слов не знали.

Этимологически «ум» состоит из корня «у» и суффикса «м».

Древнеиндоевропейское *u* (*au*, *av*) вбирало в себя два смысла: идею понимания, осознания и идею восприятия окружающего мира органами чувств. То есть быть умным — это и понимать, и чувствовать мир, а значит — видеть его полно, адекватно. Образно говоря, и головой, и сердцем (а также глазами, ушами, кожей и всем, чем можно).

Очень важно знать, что слово «ум» по происхождению тесно связано с такими словами, как «явиться», «явно», «явь», «наяву». Получается, что быть умным — значит видеть мир «явно», «наяву», то есть таким, какой он есть, а не таким, как им его хочет видеть наша сухая «мозговая» логика, «рационально просчитывающая» реальный мир.

«Ощущение» («чувствование») и «понимание» («осознание») должны идти вместе. Поодиночке они ущербны.

Русский язык «компенсировал» современное однобокое понимание «ума» словом «мудрость».

Хотя слово «ум» и «мудрость» в словарях синонимов обычно стоят рядом, мы помним, что синонимы — это слова, *близкие* по значению, а не одинаковые. Согласитесь: «мудрый человек» и «умный человек» далеко не одно и то же. Можно даже сказать, что это совсем разные люди. «Ум» — это, выражаясь математическим языком, «необходимое, но недостаточное». Умного может постигнуть «горе от ума», умный может оказаться «в дураках». А мудрый — выше этого. Он обладает больше чем умом. Он видит мир цельным, «явным», потому что и воспринимает его всеми имеющимися у него душевными, духовными и интеллектуальными возможностями.

Что такое «сойти с ума»? Это значит перестать видеть мир таким, как он есть на самом деле, «умобредодествовать», «доумствоваться до безумия», как говорили в XVIII—XIX веках.

В тех же XVIII—XIX веках говорили об «умовредительстве», «умоиступлении», «умогубительстве», «умопритуплении», «умоодурении» и «умокичении». И все эти и многие другие слова подразумевали, что ум в «гордом мозговом (интеллектуально-рассудочном) одиночестве», без союза с душой, чувством представляет собой весьма и весьма опасную силу, таящую в себе огромный деструктивный, саморазрушающий потенциал.

Современный рациональный прагматизм всячески «продвигает» идею самодостаточности ума. Вроде бы жизнь можно математически просчитать. Интеллектуально систематизировать, статистически «пропрогнозировать».

На эти грабли человечество наступало уже не один раз.

Может быть, пора вернуть «уму» то, что он утратил со времен древнего «у»?

ХЛЕБ

Хлеб, если выражаться современным расхожим эпитетом, — культовое слово в русском языке. И не только в русском — в абсолютном большинстве языков мира.

Огромное словообразовательное гнездо (от «хлебопашества» до «нахлебника»), десятки и сотни устойчивых выражений (от «хлеб — всему голова» до «и то хлеб»). Казалось бы, с хлебом, как говорится, все ясно.

Но далеко не все ясно с этим словом.

Этот вроде бы широко употребительный корень тем не менее весьма загадочен с точки зрения своего происхождения, этимологии.

Может быть, это древнегерманский корень. Из германских языков он попал не только в русский, но и в финский, и эстонский. В английском языке (английский язык относится к германской группе) есть такое слово: «loaf» — булка, кочан, голова. Так вот оно одного происхождения с нашим «хлебом».

Может быть, «хлеб» восходит к еще более древним временам и родственно, например, латинскому слову «libum» — жертвенная лепешка. Заметим: «жертвенная». То есть хлеб всегда во все времена и везде был предметом культа, «магической субстанцией».

Есть версия, что оно произошло из уральских или алтайских языков.

Существует даже гипотеза, что наш родной хлеб — древнекитайское слово, которое звучало примерно как «глиэп» и означало — рис, зерна риса. Это что же такое получается? Наш любимый «каравай-каравай», который мы испекли на чьи-то там именины и который выбирает, кого хочет, выбирает китайский рис?..

Так или иначе, первоисточник этого слова неизвестен. Пока. Потому что лингвисты-этимологи работают, и рано или поздно мы все-таки узнаем, кто же наш хлеб — «немец», «итальянец» или «китаец»? Но мы видим, что даже сама тайна слова играет объединительную роль: германцы, русские, китайцы — все они, так сказать, этимологические «сохлебники».

Мы сказали в самом начале, что хлеб — слово «культовое». «Культ», «культура» — это слова по происхождению глубоко сельскохозяйственные. Латинский корень «cult» несет в себе идею возделывания земли, «пахоты».

Ясно, что хлеб — главная сельскохозяйственная, опять же, культура и его «культ» совершенно закономерен и оправдан. Отсюда многозначность слова. «Хлеб» — и «пищевой продукт, выпекаемый из муки» (здесь и далее — формулировки из словаря С. Ожегова), и «такой продукт в виде крупного выпеченного изделия», и «плоды, семена злаков, размалываемые в муку», и сами «такие злаки», и «пропитание», и вообще — «средство к существованию, заработок». И зерна, и колосья, и батон-буханка, и в целом — все то, что мы едим, и все то, что мы зарабатываем, чтобы жить.

Хлеб — как расширяющаяся вселенная: от крошечного зернышка, бросаемого в землю землекопом, до обобщенного образа основы всей человеческой жизни.

Хлеб — это «наше все». Не случайно мы так часто говорим «хлебушек», «хлебец», словно задабривая его уменьшительно-ласкательными суффиксами.

В современном городе человек совсем не так трепетно относится к хлебу. Хлеб в городе — уже не центр мироздания. Мы постепенно забываем богатейшую русскую «хлебную фразеологию». Про «заработать на хлеб с маслом» еще помним, а про «много снега — много хлеба» уже не помним. А зря. Потому что, как говорили на Руси, «хлеб на стол, и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска!» И каких бы изысков ни придумывала бурно развивающаяся человеческая цивилизация, все равно, согласно русской пословице, «калач приестся, а хлеб никогда».

ЧЕЛОВЕК

Слово индоевропейское. Этимология спорная.

Мы будем говорить именно о «человеке», а не об индоевропейских «синонимах» этого слова: «антропос», «вир», «мен» и др., где первоначальные смыслы могли быть самыми разнообразными: от «камня», «середины» и «смерти» до «мочить» и «столб».

Согласно самой распространенной лингвистической версии (которой уже около 140 лет), слово «человек» восходит к двум древним формантам.

Первая, отраженная в «чел», имела первичный смысл, который в современном языке может быть передан «биологически» (род, стая, табун, косяк и т. п.) и «социально» (клан, семья, «тейп», общность, масса, толпа, отсюда русское «челядь»).

Вторая («век») тоже «раздваивается» в этимологической ретроспективе. Во-первых, опять же в известной мере «биологически», «век» — это дитя, детеныш, потомок, отпрыск, продолжатель рода, юноша, девушка, сын, а также проявление жизненной силы, энергии (поскольку потомство — это и есть проявление жизненной силы). Этот компонент родствен русскому слову «век» (жизнь человека, эпоха, здесь же — сила, здоровье, победа и т. п.). Во-вторых, «социально»: батрак, работник. Пожалуй, самое древнее славянское этимологически синтезированное значение слова «человек» в целом: отпрыск рода, а значит — член общества, общности, «порождение» и «часть». Симптоматично и наличие формы множественного числа «люди», тоже индоевропейского слова, которое имело исконное значение «народ», «расти», «разрастаться». Хотя фиксируется и значение «находится в услужении, на службе».

Как видим, все разнообразие этимологии может быть сведено к двум доминантам, которые четко отразились в русском языке, условно говоря: со знаком «плюс» и со знаком «минус» (дворовые, слуга, лакей).

Как XX век «поступил» с русским словом «человек»? Он прежде всего в советскую эпоху зачеркнул негативное социальное значение. Хотя в разговорной речи значение «некто, кто может выполнять определенную работу», сохранилось. Но в этом смысле оно является отчасти синонимом слова «профессионал», «кадр» («кадры решают все»), отчасти слову «свой», «нужный».

С другой стороны, так называемый гуманизм на протяжении нескольких столетий всячески затушевывал родовую составляющую семантики слова, одновременно педалируя биологическую. То есть «человек» — это а) особый, высший биологический вид, б) личность, индивидуум со своими правами («Человек — это звучит гордо» и проч.). «Человек» же как отпрыск/часть родовой общности (в том числе и общечеловеческой) и как проявление силы этой общности постепенно уходит на второй план. «Человек» мыслится в гуманистической философии исключительно биолого-социально-космополитически.

Русский язык дает тысячи и тысячи словообразовательных и контекстуальных исполнений слова «человек». Здесь есть и обширнейшая идиоматика («Человек человеку друг, товарищ и брат»), и ложная этимологизация («чело века»), и многое другое. Все эти «изводы» слова рассмотреть невозможно. На наш взгляд, очень показательны, как минимум, три словосочетания, отражающие здоровый консерватизм русского языка. Это: «человек Божий» (+ «божий люд»), «род человеческий» (+ «род людской») и «русский человек» (+ «русские люди»).

Первое словосочетание, с точки зрения, например, английского языка («God's human»), является неким избыточным абсурдом, семантической тавтологией и оксюмороном. Русский же язык переносит социальную вертикаль («челядь», «крепостной» и т. п.) на космическую, выстраивая прямую связь между Богом и человеком (каждым, отдельно взятым!), причем вектор этот и тот, кто зависит от Бога, служит ему.

«Род человеческий» в том же английском звучит как «human race», то есть подчеркивается биологическая, расовая, а значит — «разъединяющая» составляющая. «Human race» — это раса людей, а не других животных. «Race» — это еще и народ (то есть народ = раса). «Род человеческий» — это объединяющее, синтезирующее словосочетание: «все мы рождены людьми и потому едины», «мы дети человечества».

«Русский человек» на английский может быть переведен либо как «Russian» (без «человека»), либо с гендерно-биологическим «аппендиксом» («Russian man», «Russian woman»).

Слово «человек» в русском языке, на наш взгляд, упорно «консервирует» исконные этимоны, давая их многомерное, если угодно, «соборное» исполнение, уходя от плоскостного, одномерного бытования.

Заметим, что чисто биологическая и чисто социальная (вненациональная, внеродовая) семы как бы упорно отталкиваются русским языком. Противопоставление человека «остальному» животному миру в русском языке (если не брать биологическую терминологию) нерелевантно. Русское слово «человек» упрямо снимает и гендерную оппозицию. Оно же успешно изживает «батрака», «крепостного» и т. п. «Права человека» как социально-юридическая зона неких глобалистско-космополитических деклараций в реальной, повседневной жизни превращается в «права потребителей», «права матери и ребенка» и т.п. Слово «человек» словно бы «ускользает» из социальной (юридической, финансовой, экономической) зон, то есть зон полностью и безоговорочно десакрализованных.

Актуальными же остаются следующие семантические лучи: «человек — Бог», «человек — человечество», «человек — народ». И во всех этих лучах «человек» выступает как индивидуальное проявление соответствующих сил: Бога, Человечества, Народа. В дальнейшем возможна и необходима более подробная проработка этих трех лучей тезауруса с привлечением огромного свода словообразовательных моделей, терминологии («Богочеловек»), окказионализмов («человекоугодие») и т. п.

ЧЕСТЬ

«Честь» — это и то, чем обладает человек (достойные уважения моральные качества, принципы, целомудрие, незапятнанная репутация, доброе имя), и то, как к нему, соответственно, относятся окружающие (почет, уважение). Это то сокровенное «внутреннее», которое необходимо сохранять для правильного отражения во «внешнем».

В сущности — что такое честь — объяснить невозможно. В этом смысле честь — некий онтологический аналог совести, благородства и т. п., того, что греки определяли то как «арэтэ», то как «калокагатия», китайцы — как «жэнь» и «вэнь» и т. д.

Синонимические словари «раскладывают» слово «честь» на — как минимум — три синонима: «репутация», «почет» и «невинность». Социально и гендерно «честь» тоже «разобщена»: «девичья честь», «честь офицера», «дворянская честь» и проч.

Но по сути честь — это «универсальное неуловимое», «дао души», тот инвариант духа, который может реализоваться во множестве вариантов. Честь — это, если выразаться культурологически, врожденная эмическая доминанта, эманулирующий эйдос, иначе говоря, личностный стержень.

Бесчестность — это обезличивание, в конечном счете — бездуховность, бездушие и бесчеловечность.

Этимологически слово «честь» — один из самых синкретичных индоевропейских концептов. В различных языках он дает очень симптоматичные рефлекссы. «Честь» в своих различных культурно-языковых исполнениях сопряжена с такими понятиями, как «понимать», «мыслить», «познавать», «соблюдать», «замечать», «намереваться», «чувствовать» и др. «Честь» — это как бы «все во всем», синкретическая пуповина взаимодействия индивида с миром, микрокосма с макрокосмом.

В современном русском языке «родственниками» «чести» являются, к примеру, такие слова, как «читать», «читать», «считать» (+ «число», «чет», «чета») и, разумеется, «честный». Этот факт может многое прояснить.

Современное расхожее представление о том, что честному человеку трудно жить и что вообще «честь» — некий атавизм, мешающий «делать карьеру» и т. п., натывается при лингвокультурологическом анализе этого корня на ряд препятствий.

Выясняется, что «честь» — не абстрактное нечто, не моральная условность, которую легко устранить. Нет, в современном прагматичном «офисном» мире «честно прочитать» (бизнес-план), «честно сосчитать» (прибыль), «честно чтить» (коллег, сотрудников), «быть честным в чете» (в браке, в дружбе) — обязательные элементы «экзистанса», без которых невозможна никакая «бездушная карьера».

«Честь» — словно бы некая пантеистическая субстанция мира — разлита во всем, в каждой мелочи жизни. И странным образом в высшей степени актуально звучат такие, казалось бы, безнадежно устаревшие идиомы с этим словом: «честно выполнить», «была бы честь предложена», «честь по чести», «много чести» и т. д. Все эти «репутационные маркеры» оказываются архисовременными. На Западе, кстати, понимание этого уже давно пришло (данный феномен называется «репутационным», или «мягким», правом).

Концепт «честь», будучи древнейшим синкретическим культурным концептом, парадоксальным образом «приспособился» к современному миру, «мимикрировал» под постпостиндустриальную прагматику и успешно работает «на позитив».

ЧИСТОТА

В современном русском языке *чистый*, находящийся в состоянии *чистоты* — значит отделенный от всего того, что мешает субъекту или объекту (вещи, человеку, идее и т. д.) быть идеальным, безупречным, безукоризненным. *Чистый* — значит негрязный (*чистые руки*), лишенный нравственных изъянов (*чистая душа*), свободный, открытый, незапятнанный (*чистое поле*), нетяжелый, необременительный (*чистая работа*), лишенный беспорядка, парадный, прибранный (*чистая часть избы*), неразбавленный, без примесей (*чистое золото*).

Французский скульптор Огюст Роден объяснял, что такое работа скульптора, следующим образом: берешь мрамор и отсекаешь все лишнее. Этот творческий принцип можно вполне назвать «принципом чистоты».

Корень *чист* есть практически во всех индоевропейских языках. Звучит он, конечно, по-разному, но так называемая база у всех разных *чист* одна. Первоначально она несла в себе идею отделения, резания, отсекания, разъединения.

Если мы вспомним, как Бог создавал мир в Библии, то мы поймем: Бог как раз чистил мир (в исконном смысле этого корня), разделяя свет и тьму, море и сушу и т. д.

Древнейшее значение «резать», «разделять», «делить» со временем трансформировалось в «отрезать лишнее», «отделить ненужное». Оттенки смысла могли быть самые разные. Например, у древних индусов (у них наше *чист* звучало примерно как *чид*) этот корень значит «просверленный», «продырявленный», у исландцев (*хит*) — сделанный из среза кожи (о мешке), у литовцев — жидкий, то есть «не обремененный» густотой, у русских (где-то с XI века) — без зарослей (о лесе), свободный от обязательств и т. д. и т. п.

А в дальнейшем во всех языках сформировалась идея *чистоты* как святости, избранности, непорочности.

Современный человек одержим идеей физического и энергетического очищения (от кишечника до «ауры»). Здесь есть и рациональное соображение (все хотят быть здоровыми), но есть и явный мистический «атавизм». Любой культ, любая религия в мире рассматривала и рассматривает духовное очищение как основу святости. А духовное очищение невозможно без физического. К примеру, составная часть поста — диета.

Обряды очищения — основные обряды на земле. Чем больше чистоты, тем больше добра. Чем больше нечистоты — тем больше зла. Понятно, что одно из распространенных наименований черта, сатаны, дьявола — *нечистый*. И вообще — все, что относится к злу, тьме, — *нечистая сила, нечисть*.

Все *чистое* (= светлое, доброе) идет в рай, а *нечистое* (= темное, злое) — в ад. Католическая религия говорит, что существует еще и *чистилище*, где «недостаточно чистым» (или «небезнадежно нечистым») дается шанс очиститься.

Чистота, как мы видим, — очень высокое и «чистое» слово. Оно вносит в мир определенность, ясность, дает людям идеальные ориентиры. Это «слово-образец», «слово-идеал». Мы с вами понимаем, что *чистая правда* — это, в общем-то, утопия. Не бывает абсолютно *чистых людей, чистых душ и чистых побуждений*, полной и безоговорочной *чистосердечности*. Но к этому нужно стремиться. *Чистота*, говоря высоким слогом, — путеводная звезда человечества.

Но, к сожалению, понятие *чистоты* может быть опасно извращено и стать страшным оружием в руках «нечистого».

Мы прекрасно помним, что стоит за словосочетанием *чистый ариец*. Кровь, горе, газовые камеры.

Старшее поколение россиян помнит, что могло крыться за словами *чистота партийных рядов* или *партийная чистота*. Репрессии, поломанные судьбы, унижение.

И в наши дни призыв *очистить Москву от приезжих* может быть истолкован как призыв к ненависти и агрессии. А готовых к агрессии «чисто конкретных пацанов» (выражаясь их собственных сленгом) у нас, к сожалению, еще предостаточно.

Слово *чистота*, как и множество других слов, обладает колоссальной внутренней энергией. Можно сказать — атомной. А атом может быть как «мирным», так и совсем наоборот.

Поэтому, конечно, *да здравствует чистота!*

Но вместе с тем: *осторожно, чистота!*

ЯЗЫК

Начнем с того, что в современном русском языке есть (извините за тавтологию) целых три слова *язык*, три омонима. Строго говоря, это, конечно, омонимы. Но все же существует некая глубокая смысловая связь между ними. Итак.

Во-первых, есть орган речи, который можно *держаться за зубами, развязать, прикусить*, которым можно *чесать, трепать* и *болтать*, с которого постоянно что-то *срывается* и на котором все время что-то *вертится*. Говяжий язык можно скусать... не как орган артикуляции, а как блюдо. Есть язык — у колокола. Языки могут быть и, например, огненными. Но это — метафоры.

Во-вторых, существуют языки, на которых говорят. Этих языков бесчисленное количество: бывают языки пчел, брокеров, глухонемых, русский, эсперанто, программирования, танца, дорожных знаков... *Языком* можно назвать пленного. Раньше на Руси *языками* называли переводчиков-«толмачей». Есть такая наука — *языковедение*, или *лингвистика*, которая занимается изучением языков.

Наконец, в-третьих, существует *язык* в значении народ, нация. Это старое значение, оно уже почти вышло из употребления. В последний раз это значение актуализировалось в 1812 году, когда на Россию напал Наполеон. И это нападение назвали *нашествием двенадцати* (то есть двенадцати) *языков* (то есть народов).

Какова же связь между *прикусить язык*, военнопленным, нацией и языком пчел? И существует ли она вообще?

Надо сказать, что специалисты по истории слов, этимологи далеко не единодушны в вопросе об общем корне всех этих *языков*, об «этимоне».

Например, одни ученые считают, что слово *язык* этимологически связано с *узкий*. Другие настаивают на том, что узкий тут совсем ни при чем. А по-настоящему язык родствен словам *вязать*, *узы* и *вить* (скручивать, сплести). Первые исходят из того, что люди сначала «осознали» язык как то, что находится у нас во рту (орган артикуляции). Вторые — из того, что первоначально *язык* значило речь.

Вторая версия, пожалуй, более достоверна. И действительно: язык — это прежде всего то, что связывает, объединяет. Язык — *связывающие узы, сплетающее витье*. И в этом смысле народ — это в первую очередь не этнически однородное целое, а люди, говорящие на одном языке. Так считали многие, к примеру В. И. Даль, создатель уникального «Толкового словаря живого великорусского языка». Он постоянно повторял: русский — это тот, кто говорит и думает по-русски. Сам-то В. И. Даль по происхождению был датчанин... Ну и что? Куда уж быть более русским, чем В. И. Даль?

Сейчас очень распространено определение языка как средства коммуникации, то есть сообщения, общения, связи. Термин «коммуникация», ныне очень модный, заимствован из латыни. Мы постоянно говорим о «массовой коммуникации», о «средствах массовой коммуникации», о «коммуникативных функциях языка» и т. д. и т. п.

Удивительно, насколько самые, казалось бы, новейшие открытия и теории всегда «стары как мир»!

Несколько тысяч лет назад в древнейшем праиндоевропейском языке был корень, который звучал примерно как долгое «у». В нем уже было заключено зерно значения «вязи-витья — уз». У в разных языках трансформировалось в *уз, энг, инг, ы, ыз, оз, йез* и т. п. Отсюда, кстати, вышли английское *tongue*, латинское *lingua*. И наш *язык*. Который объединил огромное пространство, населенное десятками народов.

И вот в современном мире именно проблема языков становится одной из главных проблем сосуществования народов. Идут бесконечные споры о «статусе» языков (национальный язык, официальный язык, государственный язык, язык межнационального общения и т. д. и т. п.).

Межнациональные конфликты в подавляющем большинстве случаев начинаются именно со спора о статусе языков и заканчиваются (если заканчиваются!) нахождением компромисса в таком споре. Ученые и политики изо всех сил ищут средства налаживания, регулирования «межкультурной коммуникации».

Где же ключ к решению всех этих проблем?

Во внимательном, вдумчивом изучении языка. Любого: английского, французского, латинского... Но прежде всего — своего родного.

Потому что других родных у тебя уже не будет. Русский язык — это твои родственные *узы*. Как семья, как народ.

И других «ключей» к решению проблем твоих «связей с миром» не существует.